

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 4
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 82-95

ББК 83.3

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-129-136>

МОДУСЫ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА В НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ КРИТИКИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920–1940-х ГОДОВ

Людмила Николаевна Рягузова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Аннотация. Исследуются парадоксы и курьезы поэтики традиционализма в теоретико-методологических воззрениях критиков русского зарубежья. Интерес к далеким историко-литературным параллелям не только отразился в проблематике, но и повлиял на реверсивные принципы их научного мышления: анахронный прием обратного эксперимента (П. М. Бицилли), рекурсивное чтение от вершины, шедевра к истокам творчества (А. Бем), палиндромическое прочтение текстов — «вспять», «с другого конца» (В. Набоков). Дискурсивная амбивалентность является следствием отрицания одновекторного подхода: интерпретаций модернизма как формы консерватизма, романтизма как метаисторической категории (Д. Святополк-Мирский, В. Набоков), возрождения аллегории и интерференции элементов Средневековья в современном искусстве (П. М. Бицилли). Межтекстовый анализ (механизмы «параллелей», «литературных припоминаний») служит формальным подтверждением тезиса: в исторической перспективе взаимоотношение культур диалогично, обратимо, определяет модусы критической рефлексии писателей зарубежья.

Ключевые слова: традиционализм, метаязык, дискурсивная амбивалентность, художественное мышление, П. Бицилли, А. Бем, В. Набоков

Для цитирования: Рягузова Л. Н. Модусы традиционализма в научной методологии критики русского зарубежья 1920–1940-х годов // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 4. С. 129–136. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-129-136>

Original article

THE MODES OF TRADITIONALISM IN THE SCIENTIFIC METHODOLOGY OF CRITICISM OF THE RUSSIAN DIASPORA IN THE 1920s AND 1940s

Liudmila N. Ryaguzova

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article examines the paradoxes and curiosities of the poetics of traditionalism in the theoretical and methodological views of critics of the Russian diaspora. Their interest in distant historical and literary parallels was reflected not only in the problems, but also influenced the reverse principles of the scientific thinking: the anachronistic method of reverse experiment (P. M. Bicilli), recursive reading from the top of a masterpiece to the origins of creativity (A. Boehm), palindromic reading of texts - “backwards”, “from the other end” (V. Nabokov). Discursive ambivalence is a consequence of the rejection of a single-vector approach: interpretations of modernism as a form of conservatism, Romanticism as a metahistorical category (D. Svyatopolk-Mirsky, V. Nabokov), the reviv-

al of allegory and the interference of elements of the Middle Ages in modern art (P. M. Bicilli). Inter-textual analysis (mechanisms of “parallels”, “literary recollections”) serves as a formal confirmation of the thesis that in the historical perspective, the relationship of cultures is dialogical, reversible, and determines the modes of critical reflection of writers abroad.

Key words: *traditionalism, metalanguage, discursive ambivalence, artistic thinking, P. Bicilli, A. Boehm, V. Nabokov*

For citation: Ryaguzova, L. N. (2025). The modes of traditionalism in the scientific methodology of criticism of the Russian diaspora in the 1920s and 1940s. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 4, pp. 129-136. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-129-136>

Введение

Принцип историко-литературных соответствий формирует методiku межтекстового анализа в науке о литературе в 1920–1940-х гг., получившего в то время различные метафорические обозначения — «резонанс», «литературные припоминания», «сличения, сродство» (А. Бем), «совпадения», «параллели» (П. Бицилли), «конвергенция» (Ю. Тынянов), «историко-стилистический метод» (В. Виноградов), «культурно-историческая телепатия» (М. Бахтин). Реминисцентный код играет роль ключа в понимании текста, служит приемом «культурологического подсвечивания образов» (И. П. Смирнов), а также всего произведения в форме прямой или полемической цитации, аллюзии по типу следования/отталкивания, сюжетной и структурной парафразы.

Одна из тем и форм существования художественного сознания русского зарубежья — борьба за наследие, осмысление культурных традиций и новаций. «Задачей эмиграции было и традицию хранить, и новизну оберегать... Традиция без обновления не жива, а при ее отсутствии и обновлять нечего: таланту не от чего оттолкнуться, как и не к чему примкнуть» [Вейдле, 2001, с. 323]. Традиция мыслится не как «привычка сознания» (формула Набокова), не как «повторение пройденного» (В. Вейдле), не воспроизведение, а пересоздание (А. Бем). В преемственности нет продолжения прямой линии, а есть «отправление, отталкивание от известной точки, борьба», «разрушение старого целого и новая стройка старых элементов» [Тынянов, 1977]. Молчаливой борьбе почти всей русской литературы с Пушкиным противостояла, как известно, пушкиноцентрическая коалиция русской эмиграции.

Модусы (*modus* лат. — *модель, мера, образ, способ*) выражения или перспективы развития темы традиционализма в интерпретации русской диаспоры разнообразны. Одна ипостась — внешнее почитание, традиция и литературный быт: популяризация наследия творчества классиков в форме юбилеев, лекций, вечеров поэзии, суда над героями, издательской деятельности. Другая — перевод автора, фигуры личной поэтической мифологии, в свою модальность: механизмы заимствования, стилизация и пародия как формы литературной преемственности. Помимо историко-литературной рефлексии, активной формой усвоения классических традиций являлось сотворчество. В. Набоков, в частности, вступает в творческий диалог с Пушкиным, дописав «Заключительную сцену к драматической поэме „Русалка“» (1942), продолжает Пушкина как переводчик и комментатор романа «Евгений Онегин». Настрой на «пушкинский камертон» обнаруживается в реминисцентной словесной ткани его «прозрачной прозы». В статьях В. Ходасевича о Пушкине содержится намек на развитие некоторых пушкинских принципов повествовательной техники в современной прозе: явления лейтмотивности, автобиографизма, автоцитации. «История» Д. Святополк-Мирского и комментарии В. Набокова расцениваются как их собственные произведения на историко-литературные темы. Характерна для этого модуса отношений декларация Л. Бема: «исторического

Пушкина вовсе и нет, есть Пушкин неисчерпаемых возможностей» [Бем, 2001, с. 50].

Исследование и его результаты

Обращают на себя внимание парадоксы и курьезы поэтики традиционализма в методах литературоведческого анализа критиков русского зарубежья: прием обратного эксперимента (П. Бицилли); принцип рекурсивного чтения, бросающий «отраженный свет назад»: от Достоевского к Пушкину, в статьях А. Бема («„Пиковая дама“ в творчестве Достоевского», «„Скупой рыцарь“ в творчестве Достоевского», 1929). По словам А. Бема, «весь Достоевский, со всей проблематикой, уже дан в Пушкине» [Бем, 2001, с. 335]; «Достоевский, чтобы прыгнуть в XX век, отступил глубоко назад в русский XVIII век»; «русский сентиментализм глубже связан с XIX веком, чем это принято думать» [Бем, 2001, с. 37]. А. Бем рассматривает творческую полемику («художественную отповедь») авторов как «эффект преломления», «перетолкования» претекста, как «деформирующую силу творчества» [Бем, 2001, с. 251]. Сфера соотношения «своего»/«чужого» как фактор литературного развития очерчивает его виды — влияние-притяжение, влияние-отталкивание («Свое и чужое», 1934). Регрессивный анализ позволяет критику обнаружить ростки позднего Достоевского в его раннем творчестве — в статьях «Разверстывание сна („Вечный муж“ Достоевского)» (1924), «Драматизация бреда („Хозяйка“ Достоевского)» (1929). Выявить функции «дуалистической онтологии» в поэтике: «сновидческого» элемента, контаминации реальностей, приемов реализации внутреннего мира героев вовне («реализованного вовне бреда») [Бем, 2001, с. 287]. А. Бем формулирует понятие «эстетическая реальность» / аральность. Прием немотивированных коммуникативных переходов, совмещения миров повлияет на стиль ранних романов Г. Газданова и В. Набокова.

В критике П. М. Бицилли концептуализируется понятие «параллели» и его эквиваленты: влияние/заимствование/подражание («Параллели», 1932). Внешнее влияние, явное цитирование отграничивается им от творческого воздействия (ассимиляции приемов), затрагивающего внутреннюю форму произведения (видение мира, стиль). П. М. Бицилли вводит различные термины для обозначения вариативности литературного заимствования: «аллюзия», «плагиат», «область ходячих клише», «родимые пятна», «общие места», «подражания», «творческое усвоение», «объективное сходство». И, наконец, «творческая индивидуальность», поскольку концепция усвоения и параллелей была для исследователя не самоцелью, а ступенью, которая позволяла глубже выявить индивидуальное начало творчества автора, проникнуть в его самодовлеющий замкнутый мир. Достоевский, по Бему, — «гениальный читатель», в чтении извлекает «умение создавать», «обнаружить своеобразие писательского лица» [Бем, 2001, с. 61]. Влияние в литературе только делает писателя похожим на себя, а не на кого-то другого.

Дискурсивная амбивалентность выступает как принцип организации художественного и критического мышления, объединяющий крайние фазы одного цикла (вход/выход, начало/конец). Палиндромический прием прочтения текстов *per contra*, «с другого конца», в критической оптике В. Набокова получает различные номинации: прием «обратной перспективы», «наоборотного совпадения»; «эквилибристика мыслей», «вертикальное изложение мыслей». Игровой текст создает сферу возможного, существенную для моделирования и вариативности восприятия художественной действительности в его романах-«оборотнях, „вспять-текстах“» (Н. Букс).

Наоборотное чтение, в частности, как «в прожекторе обратного осмысления» (выражение В. Набокова), позволяет увидеть связь методов критиков зарубежья с поэтикой «обратимости» («круговоротом» образов, понятий) у семиологов и структуралистов 1960-х гг. Согласно У. Эко, мы стоим на плечах гигантов, причудливым образом обнаруживая связь с отдаленными предшественниками [Эко, 2018]. Литература, по словам Ж. Женетта, — «искривленное пространство», где в любой момент возможны самые неожиданные отношения и самые парадоксальные встречи, литература прошлого (как миф, утопия) может свободно интерферировать с литературой настоящего (Вергилий/Данте, «Одиссея»/Д. Джойс). Явление обратимости противостоит «тирании» диахронического подхода: «В обратном времени чтения Сервантес и Кафка для нас оба современники, и влияние Кафки на Сервантеса не меньше, чем влияние Сервантеса на Кафку» [Женетт, 1998, с. 149]. Каждый писатель, по сути, сам создает своих предшественников.

П. Бицилли был убежден: сопоставляемые художники взаимно освещают друг друга, однако чем глубже влияние одной творческой индивидуальности на другую, тем оно и более скрыто. Например, он отмечает общий тон, интуицию, «бредовое состояние сознания» персонажей Салтыкова и Сирина в статье «Возрождение аллегории» (1936). С помощью обратного эксперимента взорам критика неожиданно открываются истоки «художественного беззакония» и «гротескной уродливости» сириных образов. Изоляция сознания, «умственное распутство» и «запой праздномыслия» Иудушки Головлева помогает выявить проблему двойничества в «Отчаянии»: для Германа также нет разницы между реальными людьми и порождениями его фантазии. Аналогично существование Цинцинната («Приглашение на казнь») вне среды, в пустом пространстве, среди оборотней, призраков. Сириные герои нереальны, вот почему его мистификации и превращения реального мира в призрачный «сбивают с толку». В романе нет «образа жизни», а только ее иллюзия, замена: «Этот срыв художника знаменует собою катастрофу культуры, состоящую в разрыве между внутренней жизнью и внешней; в распаде человеческой личности» [Бицилли, 2000, с. 450]. Попыты историко-генетического прочтения (в обратной перспективе или проекции) Н. Гоголя через М. Салтыкова-Щедрина и В. Набокова обогащают восприятие «духовной генеалогии» русской классики и расширяют приемы (обратный эксперимент) научной интерпретации художественного произведения.

П. Бицилли одним из первых обратил внимание на близкое отношение проблем построения концепции Средневековья к текущей современности: в широкой исторической перспективе существует сложный механизм повторений, параллелей, диалогических культурных отношений разных эпох. Неслучайно именно XX в. открыл Средневековье (У. Эко). По характеристике П. Бицилли, античная традиция в европейском искусстве нацело не прерывалась никогда, каждая эпоха брала что-нибудь свое, что она способна была усвоить. Это замечание справедливо в отношении искусства Средних веков. По характеристике ученого, в Средневековье поражает вера в соответствие видимого и невидимого миров: материальное и духовное — только градации, они не мыслятся в каком-либо ином плане. Абстракции воспринимаются конкретно, им приписывается предметное существование, физические свойства, телесность. Граница между ними подвижна. Именно этим фактом, в частности, художественный мир В. Набокова напоминает П. Бицилли мир Средневековья.

Смысл метафоры об ассоциативной связи стилевой манеры Сирина с аллегоризмом более наглядно проясняет концепция Средневековья П. Бицилли. «Физицизм средневековья» означает органическую связь явлений природы и мира творимых личностью ценностей и может быть представлен как единый мир: «События, отделенные одно от другого целыми эпохами, развертываются здесь в одном плане. Художник заставляет вас обозревать одновременно настоящее, прошедшее и будущее, созерцать сведенные вместе мещанскую повседневность городской жизни, трагическую буффонаду преисподней с ее смешными ужасами и экстазы блаженных в небесных чертогах. Законы линейной перспективы нарушаются на каждом шагу. Каждый предмет и каждая деталь существуют для себя и в себе, как бы вне окружающего пространства. Картину надо рассматривать по частям и, фиксируя одну часть, отвлекаться от всех остальных» [Бицилли, 1995, с. 5–6].

В этих определениях прочитывается связь с неиерархической художественной картиной мира В. Набокова, где одновременно сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, прослеживается прием обратной перспективы и «презумпция всеодушевленности» (Ю. И. Левин). Известно, что В. Набоков мечтал о создании произведения, носящего реверсивный характер, «без абсурдности начал и концовок», которое можно было бы воспринимать как картину, «в целом». В созданной картине произведения различие между главными и дополнительными элементами невелико («Искусство литературы и здравый смысл»). Через призму научного мышления П. Бицилли соотношение стилевой манеры В. Набокова с «культурным синтезом» Средневековья не кажется столь уж далеким. Средневековый код свидетельствует об актуализации субстанциально-онтологических начал в романах-палимпсестах писателя (идеи потусторонности, мотивных рядов сна-смерти, геометрических архетипов круга, спирали, мифопоэтической концепции имени и числа, гностических реминисценций).

Каково же отношение самого писателя к этим аналогиям? В. Набоков, с иронией говоривший о влияниях, периодах, течениях, направлениях, эпохах, а также о терминах, их обозначающих, писал, что дух обобщения «окрестил длинный ряд ничем не повинных лет названьем Средневековье», а XX в. — второе Средневековье (On Generalities). С одной стороны, он негативно отзывался о темной средневековой подоплеке фрейдовщины и ее символов, шарлатанстве и мистике, гротескно изображал прорицателей и провидцев. С другой — отлично знал этот культурный период (достаточно сослаться на его лекции и переводы), использовал жанровые формы волшебной сказки, *chansons de geste*, *exempla*, куртуазно-рыцарского романа, эпоса, более того, сравнивал искусство литературы с магией и волхованием. Смысловая доминанта концепта — это «вечное», тот «привкус вечности», который, по В. Набокову, есть в каждой эпохе.

Литературный процесс и его терминологические номинации, как видим, — еще одна перспектива темы традиционализма. Метаязык, язык описания, как считали А. Бем, П. Бицилли, В. Набоков, будет лишь более или менее удачным приближением к самому эстетическому объекту. П. Бицилли говорил об условности любых четких дефиниций. Проблема состоит, на его взгляд, не в выборе слов, а в актуализации внутреннего, амбивалентного содержания и терминологического противоречия культурных концептов. Напрасный труд, по его убеждению, отыскивать «общее», присущее всем проявлениям духовной работы какой-либо эпохи, поскольку из множества сил, из

которых слагается равнодействующая, столько же направлено в сторону, противоположную ее направлению. Парадокс культурно-исторического мышления исследователя заключается в опровержении сложившихся научных стереотипов, например об упадке нравов Римской империи и идее оптимизма, одушевления, связывающей наши представления с эпохой Возрождения. Он выявляет в схеме развития средневекового искусства переход архаических, примитивных тенденций, «с их схематичностью, геометричностью, статичностью, к новым тенденциям — большей свободе, разнообразию, жизненности, а также и к внешнему изяществу, утонченности» [Бицилли, 2006, с. 530]. Неклассическое становится классическим. Термин «классический» в критической рефлексии Бицилли имеет значения «античный», «классицистический» и «образцовый»: произведение может быть ложноклассическим с формальной точки зрения, вместе с тем высокохудожественным и в этом смысле классическим. Неслучайно в своем тезаурусе исследователь избегает терминов «прогресс», «эволюция сознания и творчества» и говорит о сложном отношении восприятий известной культурной среды к ее идеологии.

В. Набоков, как и П. Бицилли, критически воспринимал не культурные явления как идейно-эстетические общности, а условность их понятийных обозначений. Расплывчатые термины «классицизм», «сентиментализм», «романтизм», «реализм» зависят, на его взгляд, от многочисленных интерпретаций, что становится бессмысленным в сфере классификации знания и отвлекает исследователя от индивидуальных художественных открытий. Так, он приводит в качестве примера только одиннадцать определений понятия «романтизм», бытовавших в пушкинскую эпоху [Набоков, 1998а, с. 455–456]. Д. Святополк-Мирский и В. Набоков видят в романтизме метаисторическую категорию. В. Набоков говорит о модернизме как форме консерватизма. Д. Святополк-Мирский термин «модернизм» использует не в узкохронологическом, а в широком семантическом значении «новизны, новаторства». Жуковский и Батюшков у него — «модернисты в стихе и в языке» [Святополк-Мирский, 2014, с. 140]. «Реализм» и «натурализм» для В. Набокова понятия относительные: «что данному поколению представляется в произведениях писателя натурализмом, то предыдущему кажется избытком серых подробностей, а следующему — их нехваткой» [Набоков, 1998б, с. 203]. «Дерзости одной эпохи становятся банальностями эпохи следующей» [Набоков, 1998а, с. 115]. А. Роб-Грийе, следуя этой традиции, также считал опасными термины, или «избитые формулы», «мертвые представления», особенно придуманные для книг, не следующих общепризнанным правилам. Например, слово «авангард» — значит только то, что автор «слегка опередил свою эпоху, между тем старое умерло само собой» [Роб-Грийе, 2005, с. 535]. Или «новый роман»: форма романа должна постоянно обновляться, чтобы быть живой, и в этом смысле всегда новой. Однако уже в самом процессе создания новой формы заложен механизм ее отрицания и разрушения.

Заключение

Идеи модальности, трансформации эстетического видения определяют модусы художественного мышления и критической рефлексии писателей зарубежья. Поэтика традиционализма в их научных концепциях балансирует между классическим и неклассическим видением мира, переплетением двух противоположностей: с одной стороны — признания меры и гармонии как высших ценностей, а с другой — идеи дисгармонии, изменчивости реальности и относительности всего сущего. Историко-литературные аналогии А. Бема,

П. Бицилли, В. Набокова, «параллели» и «припоминания», приемы обратного эксперимента подводят к выводу о том, что в исторической перспективе взаимоотношение культурных традиций диалогично, обратимо.

Литературный быт эмиграции, перемещение из одного культурного ареала в другой, в иную систему экзистенциальных кодов не ослабили связь с национальными и литературными традициями, которые сохраняются, но принимают нетрадиционные формы, требующие, на наш взгляд, дальнейшего изучения. Идея перехода (движение туда — обратно) определила механизмы межкультурной коммуникации, сформировала такие парадигматические фигуры, как Д. Святополк-Мирский, В. Набоков, В. Вейдле. Нарушение жанровых традиций (например, отказ от романной традиции классического реализма) и их рефлексии в критике зарубежья также заслуживает специального рассмотрения.

Список источников

Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001. 448 с.

Бицилли П. М. Возрождение аллегории // Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии. М.: Русский путь, 2000. С. 438–450.

Бицилли П. М. К вопросу о взаимоотношениях «Востока» и «Запада» в истории Европы // Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 527–531.

Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 244 с.

Вейдле В. Традиционное и новое в русской литературе двадцатого века // Умирание искусства. М.: Республика, 2001. С. 321–325.

Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. 472 с.

Набоков В. (а) Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство – СПб; Набоковский фонд, 1998. 928 с.

Набоков В. В. (б) Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газета, 1998. 512 с.

Роб-Грийе А. Романески. М.: Ладомир, 2005. 622 с.

Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. 876 с.

Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь (К теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 198–226.

Эко У. На плечах гигантов: «Миланезиана», лекции 2001–2015. М.: СЛОВО/SLOVO, 2018. 384 с.

References

Bem, A.L. (2001). *Research. Letters about literature*. Moscow, Languages of Slavic Culture, 448 p. (In Russian).

Bicilli, P.M. (1995). *Elements of medieval culture*. St Petersburg, Mithril, 244 p. (In Russian).

Bicilli, P.M. (2000). The Rebirth of Allegory. *The Tragedy of Russian culture: Studies, articles, reviews*. Moscow, Russian Way, pp. 438-450. (In Russian).

Bicilli, P.M. (2006). On the question of the relationship between “East” and “West” in the history of Europe. *Selected works on Medieval History: Russia and the West*. Moscow, Languages of Slavic Cultures, pp. 527-531. (In Russian).

Eco, U. (2018). *On the shoulders of giants: “Melanesia”, lectures 2001-2015*. Moscow, Word, 384 p. (In Russian).

Genette, G. (1998). *Shapes*: in 2 vols. Moscow, Sabashnikov Publishing House, vol. 1, 472 p. (In Russian).

Nabokov, V. (1998a). *Commentary on A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin"*. St Petersburg, Art - St. Petersburg, Nabokov Foundation, 928 p. (In Russian).

Nabokov, V. (1998b). *Lectures on foreign literature*. Moscow, Independent Newspaper, 512 p. (In Russian).

Robbe-Grillet, A. (2005). *Romanesque*. Moscow, Ladomir, 622 p. (In Russian).

Svyatopolk-Mirsky, D. P. (2014). *The history of Russian literature from ancient times to 1925*. Novosibirsk, Svinyin and Sons, 876 p. (In Russian).

Tynyanov, Yu. N. (1977). Dostoevsky and Gogol (Towards the theory of parody). *Poetics. The history of literature. Movie*. Moscow, Science, pp. 198-226. (In Russian).

Weidle, V. (2001). Traditional and New in the twentieth-century Russian literature. *The dying of art*. Moscow, Republic, pp. 321-325. (In Russian).

Сведения об авторе

Рягузова Людмила Николаевна — докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики, <https://orcid.org/0000-0003-0223-8672>, lnryaguzova@mail.ru

Information about the Author

Liudmila N. Ryaguzova — Ph.D. in Philology, professor of the Department of the History of the Russian History, Theory of the Literature and Critics, <https://orcid.org/0000-0003-0223-8672>, lnryaguzova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.08.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 18.08.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 18.09.2025.